

— «Воспитание крошки», режиссер Говард Хоукс, 1938

— «Тварь из Черной лагуны», режиссер Джек Арнольд, 1954

«Тварь из Черной лагуны» Джека Арнольда

Двоякодышащий аргентинец Ихтиандр из романа (1927) Александра Беляева и фильма (1961) Геннадия Казанского и Владимира Чеботарева — едва ли не самый романтический герой советского кино 1960-х годов. Хорошо, что советские зрители не видели фильма «Тварь из Черной лагуны» (1954) Джека Арнольда, специалиста по гигантским насекомым и крохотным человечкам. В джунглях Амазонии экспедиция искала сохранившиеся в этом девственном ареале доказательства существования организмов, переходных между морскими и земными тварями, — доисторических, девонского периода, амфибий.

Между тем несчастная и потому кровожадная амфибия обитала у них под носом, в той самой Черной лагуне, где беззаботно плескались ученые. Судя по ее виду, переходные твари были получены в результате скрещивания аквалангистов с лягушками: сколько бы мучеников науки не было на счету у этого создания, сам его вид вызывал лишь снисходительное сострадание. Тем пронзительнее была тайная любовь твари к прекрасной Кей (Джулия Адамс). И пока она нежилась в водах лагуны, на пару метров глубже тосковало и мечтало наше перепончатопальцое. Не осмеливаясь дотронуться до нее, жертва эволюции исполняла изумительный подводный танец. Нельзя, впрочем, сказать, что любовь преобразовала кровожадное существо: Царевной-лягушкой оно не было, это однозначно.

Но доведись кому выбирать между ним и исполином Кинг-Конгом, не знающим иных «слов любви», кроме как зажать вопящую блондинку в мохнатом кулаке и затаскать на верхотуру Эмпайр-стейт-билдинга, подавляющее большинство женщин, безусловно, выбрали бы «тварь». В конце концов, ее можно держать в домашнем аквариуме.

объясняться в любви можно посредством не только пулеметов, но и тракторов и любой сельскохозяйственной техники

«Иметь и не иметь» и «Большой сон» Говарда Хоукса

1940-е годы — тяжелые, если не отчаянные времена для американских кинолюбленных. Клятвы верности и романтические эффекты вышли из моды. Унежности оставались шансы выжить, лишь если она надевала маску грубости, сентиментальность притворялась цинизмом. Вина за это лежит не только на жестоком времени мировой войны, но и на литературном стиле, введенном в обиход писателями «потерянного поколения», прежде всего Хемингуэем и авторами «круто сваренного» криминального чтива. Текст — ничто, подтекст — все. Лаконизм на грани и за гранью хамства — признак настоящего мужчины.

В самом отчаянном положении оказались Хамфри Богарт и Лоренс Бэколл, влюбленные друг в друга не только по сценариям, но и по жизни. Их роман вспыхнул на съемочной площадке вольной экранизации романа Хемингуэя «Иметь и не иметь» (1944), сделанной Говардом Хоуксом, и был в самом цвету на съемках хоуксовского же «Большого сна» (1946) по роману Раймонда Чендлера. Им хотелось объясняться в любви друг другу, пусть и от лица экранных героев, но сделать это было головоломно сложно.

В «Иметь и не иметь» любовь с первого взгляда транслировалась через просьбу прикурить и небрежную фразу Мэри-Бэколл: «Если что надо, ты только свисти». Но и это — почти что «сцена на балконе» из «Ромео и Джульетты» по сравнению с ипсилонической лирикой «Большого сна». Между глотками виски и чирканьем спичек частный сыщик Филипп Марлоу и задетая тягостной криминальной историей генеральская дочь Вивиан, делавшая вид, что ее тошнит от «ищейки», говорили на отвлеченную тему.

Вивиан: Скажите мне, чем вы обычно занимаетесь помимо работы?

Марлоу: Я, ну... Я играю на скачках...

Вивиан: И никаких женщин?

Марлоу: О, я чаще всего над чем-нибудь работаю.

Вивиан: Что же... кстати о скачках... Я тоже люблю играть. Но я предпочитаю сначала увидеть лошадей в деле. Удостовериться, настоящие ли это жеребцы или фуфло. Узнать их слабые места. Узнать, что заставляет их скакать.

Марлоу: А мои (слабые места) узнали?

Вивиан: Полагаю, что да.

Марлоу: Ну валяйте!

Вивиан: Я бы сказала, что вы не любите, когда вас оценивают. Вы любите обгонять других, прокладывать себе путь, предводительствовать и свободным возвращаться в конюшню.

Марлоу: Не сказал бы, что представляю вас в скачках на длинную дистанцию. В вас есть класс, но ммм... я не знаю, насколько далеко вы можете зайти.

Вивиан: Все зависит от того, кто в седле.

Вот и славно: объяснились наконец-то.